

УДК 81'373.47

DOI: 10.22162/2500-1523-2019-4-888-901

Военная лексика в деловых письмах хана Аюки и русских переводах 1714 г.

Галина Михайловна Ярмаркина¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, Элиста 358000, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

ORCID: 0000-0002-3701-9157. E-mail: yarmarkinagm@kigiran.com

Аннотация. *Введение.* Лексика в этнолингвистическом аспекте рассматривается как вербальное проявление национальной культуры. Особый пласт лексической системы калмыцкого языка, формирование которого связано с условиями общественно-политической жизни калмыков, представлен лексикой военного дела. Изучение военной лексики в калмыцком языке затрагивает различные аспекты: историческую лексикологию, лексические заимствования, лексикографическое описание. Военная лексика калмыцкого языка на современном этапе рассматривается в составе общественно-политической лексики. В качестве источников материала для исследования военной лексики привлекаются произведения художественной литературы, фольклорные тексты, эпос «Джангар», старописьменные калмыцкие деловые тексты, лексикографические издания. Вместе с тем военная лексика калмыцкого языка в синхронном и историческом аспектах остается недостаточно исследованной. *Материалы.* Работа выполнена на материале хранящихся в Национальном архиве Республики Калмыкия писем калмыцкого хана Аюки (1714 г.) и русских переводах этих писем (1714 г.). Используемые в статье транслитерация и переложение на современную калмыцкую графику выполнены Д. Б. Гедеевой. Анализируется военная лексика, характерная для рассматриваемого исторического периода и относящаяся к нескольким тематическим подгруппам: 1) названия, связанные с общим понятием *seriq* 'войско'; 2) представители определенного рода войск; 3) род военной деятельности; 4) наименования вещей, которые применяются для изготовления оружия (боеприпасы). *Выводы.* Рассмотренные в статье элементы тематической группы военной лексики, зафиксированные в деловых письмах хана Аюки за 1714 г., дают более четкое представление об истории развития лексической системы калмыцкого языка и этнолингвистической специфике делового текста — оригинального и переводного. Анализ употребления в деловых письмах наименований общих понятий, представителей определенного рода войск, средств для изготовления боеприпасов обнаруживает специфику и закономерности функционирования одной из лексических подси-

стем калмыцкого языка, подтверждает возможность пополнения существующих ныне словарей устаревшими словами и создания отдельного словаря языка калмыцких деловых писем XVIII в.

Ключевые слова: военная лексика, войско, драгуны, караул, боеприпасы, калмыцкие деловые письма XVIII века, русский перевод

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии по проекту «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии, Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Ярмаркина Г. М. Военная лексика в деловых письмах хана Аюки и русских переводах 1714 г. Монголоведение. 2019; (4): 903-915. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-4-888-901.

UDC 81'373.47

DOI: 10.22162/2500-1523-2019-4-888-901

Military Terminology in Official Letters of Khan Ayuka and 1714 Russian Translations

*Galina M. Yarmarkina*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

ORCID: 0000-0002-3701-9157. E-mail: yarmarkinagm@kigiran.com

Abstract. Introduction. Vocabulary in the ethnolinguistic aspect is considered as a verbal manifestation of the national culture. A special layer of the lexical system of the Kalmyk language, the formation of which is associated with the conditions of the socio-political life of the Kalmyks, is represented by the vocabulary of military affairs. The study of military vocabulary in the Kalmyk language touches on various aspects: historical lexicology, lexical borrowings, lexicographical description. The military vocabulary of the Kalmyk language at the present stage is considered as part of socio-political vocabulary. As sources of the material for the study of military vocabulary, works of fiction, folklore texts, the epos “Dzhangar”, old Kalmyk business texts, lexicographic publications were used. At the same time, the military vocabulary of the Kalmyk language in synchronous and historical aspects remains insufficiently studied. **Materials.** The work is based on the material of letters of the Kalmyk Khan Ayuka (1714) and Russian translations of these letters (1714) stored in the National Archives of the Republic of Kalmykia. The transliteration and transposition to the modern Kalmyk graphics used in the article were made by D. B. Gedeeva. The author analyzes military vocabulary that is specific for that historical period under consideration and relates to several thematic subgroups: 1) names associated with the general concept of ceriq ‘army’; 2) representatives of a certain type of troops; 3) the type of military activity; 4) names of substances that are used for the manufacture of weapons (ammunition). **Findings.** The elements of the thematic group of military vocabulary analyzed in the

article, recorded in business letters of Khan Ayuka for 1714, give a clearer picture of the history of the development of the lexical system of the Kalmyk language and the ethnolinguistic specificity of the business text — original and translated. An analysis of the use of the names of general concepts in business letters, representatives of a certain kind of troops, means for making ammunition reveals the specifics and patterns of functioning of one of the lexical subsystems of the Kalmyk language, confirms the possibility of replenishing existing dictionaries with outdated words and creating a separate dictionary of Kalmyk business letters of the 18th century.

Keywords: military vocabulary, army, dragoons, guard, ammunition, Kalmyk business letters of the 18th century, Russian translation

Acknowledgements: The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490036-1).

For citation: Yarmarkina G. M. Military vocabulary in business letters of Khan Ayuka and Russian translations of 1714. *Mongolian Studies*. 2019; (4): 888-901. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-4-888-901.

Введение. Этнолингвистический аспект исследования текста предполагает анализ функционирования лексики как вербального проявления национальной культуры. Особый пласт лексической системы калмыцкого языка, формирование которого связано с условиями общественно-политической жизни калмыков, представлен лексикой военного дела.

Военная лексика определяется как система лексических средств, «отражающих разнообразные военные понятия и употребляющихся в общенародном и специальном общении» [Сафаров 2012: 3].

Изучение военной лексики в калмыцком языке затрагивает различные аспекты: историческую лексикологию [Пюрбеев 2009; Гедеева, Пюрбеев 2014], лексические заимствования [Очирова 2010], лексикографическое описание [Лиджиев 2011].

Военная лексика калмыцкого языка на современном этапе рассматривается в составе общественно-политической лексики [Бачаева 2012]. В качестве источников материала для исследования военной лексики привлекаются художественные произведения [Бачаева 2010], старописьменные калмыцкие тексты [Гедеева, Пюрбеев 2014], эпос «Джангар» [Бачаева 2004; Бембеев 2018], лексикографические издания [Мулаева 2010; Лиджиев 2011]. Материал калмыцкого языка используется для сравнительного анали-

за в работах, посвященных изучению военной лексики тюркских языков [Лосева-Бахтиярова 2005; Сафаров 2012].

Вместе с тем военная лексика калмыцкого языка в синхронном и историческом аспектах остается недостаточно исследованной: на сегодняшний день отсутствует монографическое описание данной лексико-семантической группы, нет специальных лексикографических изданий, недостаточно разработана классификация военной лексики, поскольку тематические подгруппы выделяются в зависимости от источника и эмпирического материала (ср. классификацию военной лексики / военной терминологии в работах С. Е. Бачаевой [Бачаева 2010; Бачаева 2012], Н. М. Мулаевой [Мулаева 2010], Н. Ч. Очировой [Очирова 2010], Д. Б. Гедеевой и Г. Ц. Пюрбеева [Гедеева, Пюрбеев 2014]).

Материалы. Настоящая работа выполнена на материале хранящихся в Национальном архиве Республики Калмыкия [НА РК] писем калмыцкого хана Аюки (1714 г.) и русских переводах этих писем (1714 г.) [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2]. Используемые в статье транслитерация и переложение на современную калмыцкую графику выполнены Д. Б. Гедеевой.

В указанных источниках используется военная лексика, характерная для рассматриваемого исторического периода и относящаяся к нескольким тематическим подгруппам: 1) названия, связанные с общим понятием *ceriq* ‘войско’; 2) представители определенного рода войск; 3) род военной деятельности; 4) наименования веществ, которые применяются для изготовления оружия (боеприпасы).

Результаты

Зафиксированная в относящихся к 1714 г. письмах хана Аюки военная лексика отражает реалии XVIII в., когда военные действия не просто представляли собой привычный образ жизни кочевого народа, но и являлись частью договора между Калмыцким ханством и Российским государством.

Исследователи калмыцкой военной лексики отмечают функционирование в письменных текстах лексемы *ceriq* ‘войско’, относя её к общим понятиям [Гедеева, Пюрбеев 2014]. В письмах хана Аюки 1714 г. указанная лексема активно используется как в функции общего понятия, так и в составе словосочетаний *moritoi*

ceriq / *мөртэ церг* ‘конное войско’ и *xoboni cериq* / *Ховна церг* ‘кубанское войско’:

Xobun dayin geji tanayičigi küün keleji irebe üliu bayinu. manai čigi küün šine keleji irebe. hazani bayartu bičiq ilgeji. olon bolxuna tüimen dunda bolxuna dolo:n nayiman mingyan. cö:n bolxuna dörbön tabun mingyan moritoi cериq. caγa:n xan-du.. medöülji mösöni urda ötör ilgeyite geji hoq(?)du küüi ötör ilge. / Ховн дэн гижэ таначн күн келжэ ирвэ эс бээнү. Мана чигн күн шин келжэ ирвэ. Хазна байрт бичг илгээжэ, олон болхла, түмн, дунд болхла — долан-нээмн миңһн, цон болхла – дөрвн-тавн миңһн мөртэ церг цаһан ханд медүлжэ, мөснэ урд өтр илгэһит гижэ хоғд кү өтр илгэ [НА РК. Ф 36. Оп. 1. Д. 2. Л. 123об.]

Рассматривая лексему *ceriq* среди слов, не вошедших в современные словари калмыцкого языка, А. Б. Лиджиев указывает на функционирование ее в монгольском языке и приводит перевод сочетания *moritu čiriy* в монголо-русско-французском словаре О. Ковалевского — ‘конница, кавалерия, кавалерийский корпус’ [Лиджиев 2011: 115].

В этой связи заслуживает внимания русский перевод письма, выполненный по получении калмыцкого оригинала в 1714 г., где словосочетание *moritoi cериq* / *мөртэ церг* буквально переводится как ‘конное войско’. Автор перевода не использует терминологического обозначения «кавалерия», которое, судя по словарю, активно использовалось в XIX в., однако, хотя и фиксируется в текстах [Словарь 1980: 10], вероятно, не было широко распространено в начале XVIII в. Ср. русский перевод:

Кубанцы с нами подлинно не в миру. А сказывали про то калмыки наши и ваши русские люди, потом изволь послать знатного своего человека в Казань, чтоб прислали ко мне конного войска десеть тысяч, а буде невозможно хотя шесть тысяч или пять тысяч, а буде ис Казани войска ко мне прислать невозможно, чтобы о том писали к Великому государю к Москве, а чтоб то войско прислали до льду [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2. Л. 124)].

Определение в именном словосочетании лексема *ceriq* получает и в случае обозначения военных сил противника: *xoboni cериq* / *Ховна церг* ‘кубанское войско’:

a: yu^{oo} xa:n ende bida mendü..

*ayidarxani kinas tende mendü beyize.. xoboni ceriq bügüde:r mordobo geji manai bariqdaqsan küün üzeji ünen geji irebe.. bi mordobo cerige:n belen keji bayıqtun: / Аюка хан энд бидн мөнд. / Әәдрхнә кинас тенд мөнд вииз. **Ховна цөрг** бүгдәр мордв гижә мана бәргдсн күн үзәж үнн гижә ирв. Би мордв **цөргән** белн кәжә бәәтн [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2. Л. 220об.].*

Аюка хан здесь мы здоровы.

*Астраханский князь там, надеюсь, здоров. Наш задержанный человек прибыл с известием о том, что он видел, что **кубанское войско** действительно полностью выступило. Я выступил. Дер-жите наготове свое **войско** (перевод Д. Б. Гедеевой).*

В письмах хана Аюки 1714 г. неоднократно встречается лексема *xariul / харул* ‘караул’, как правило, в сообщениях с обоснованием необходимости выставить охрану в определенном месте:

*xasaqtu mordo geküdü cerige:n ese mordobo.. urbaxu boluuzaı.. gatulyan bolyon-du **xariul** orkiji bo yatulya.. / Хасгт морд гихд цөргән эс мордв. Урвх болвза. һатлһн болһнд **харул** оркәж бичә һатлһ [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2. Л. 82об.].*

По замечанию А. Б. Лиджиева, рассматриваемое слово в различных вариациях встречается во всех монгольских языках [Лиджиев 2011: 114]. Русский перевод приведенного выше фрагмента письма демонстрирует освоение безэквивалентного слова (по М. Фасмеру существительное *караул* в русском языке фиксируется с 1356 г. и заимствовано из тюркских языков [Фасмер 1986: 194]):

*И чтоб они не вздумали чего худова и не ушли б, на всех при- точных местах прикажи поставитъ **караулы** крепкие, чтоб их с луговой стороны на нагорную сторону отнюдь никого не пропу- скать [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Л. 83].*

Необходимость в караулах объясняется в письмах и взаимными политическими обязательствами:

*γaza:γa:sa ireqči dayigiyini dayilajı xaruuliyini xarajı..γaza:γa:sa γarxu bosxuuliyini bo:ji bayıqtun geqsen zarlıq beleı eǰilıyın oroşı.. yangxala kürtele **xaruula:n** sayitur **xaruulji** mandu zanggi öqči bayıqtun.. / Һазահас иргч дәәһинь дәәләж харулинь харәж, һазահас һарх босхулинь бооәж бәәтн гисн зәрлг билә. Иәҗлин оришиг Яңхл күртл **харулан** сәәтр **харуләж** манд зәңг өгч бәәтн. [НА РК. Ф. 36.*

Оп. 1. Д. 2. стр. 86об.]. Ср. перевод: *От Великого Государя есть ко мне ныне грамота. По Волге реке или в которой стороне в степях какие неприятельские люди и от меня явца и мне велено смотреть того накрепко и поставить караулы крепкие вверху по Волге до Черного Яра* [НА РК. Ф 36. Оп. 1. Д. 2. Л. 88].

Рассматривая особенности русских лексических заимствований в военной терминологии калмыцкого языка, Н. Ч. Очирова пишет: «Большое количество заимствованных военных терминов проникло в калмыцкий язык из западно-европейских языков через посредство русского языка» [Очирова 2010: 84] и отмечает особую интенсивность процессов заимствования в Петровскую эпоху. На наличие русских заимствований в старописьменных калмыцких текстах указывают и Д. Б. Гедеева и Г. Ц. Пюрбеев [Гедеева, Пюрбеев 2014].

Анализируемые калмыцкие тексты содержат заимствованный из русского языка военный термин «драгуны», в функционировании которого наблюдается следующая закономерность: лексема используется исключительно в описании событий, связанных с пребыванием в ханской ставке военных с российской стороны: *bürüs ekilen dara:kön ende uda:n bayınai* / *Борис эклн дарагон энд удан бээнэ* ‘Борис и драгуны находятся здесь давно’ [НА РК. Ф 36. Оп. 1. Д. 2. стр. 74об.]. Письменный текст фиксирует незначительные фонетические изменения, произошедшие в ходе освоения лексической единицы.

Усиливает эффект присутствия иной культуры и актуализирует категорию чуждости местоимение *tani* / тана, определяющее словоформу *darguuni* / дархуниг: *tani ilgeqsen darguuni mendii xariulba bida.* / *Тана илгэсн дархуниг мэнд хэрүлввидн* [НА РК. Ф 36. Оп. 1. Д. 2. Л. 119об.]. Местоимение сохраняется и в русском переводе: *А присланных ваших драгун отпустить по прежнему к вам с честью* [НА РК. Ф 36. Оп. 1. Д. 2. Л. 120, Л. 120об.].

В русском переводе термин *драгуны*, проникший в русский язык еще в XIV в., не ощущается иноязычным или инокультурным элементом. Ср.: *Борис Керейтов с драгуны у нас жить долга будет.* [НА РК. Ф 36. Оп. 1. Д. 2. стр. 76].

Постоянны для военной лексики калмыцких деловых писем элементы тематической подгруппы «Средства для изготовления

боеприпасов» (в классификации Д. Б. Гедеевой и Г. Ц. Пюрбеева — «боеприпасы» [Гедеева, Пюрбеев 2014]): *dari / дәр* ‘порох’, *xorʷolʷin / хорһлӳн* ‘свинец’, *kükür / күкр* ‘сера’, *tötör / төмр* ‘железо’, *сауа:n šoroi / цаһан шора* ‘селитра’.

Перечисленные слова, как правило, встречаются в той части писем, которая представляет собой либо напоминание о принятых ранее обязательствах и следующую за напоминанием просьбу прислать боеприпасы как часть ежегодного жалования, либо собственно просьбу прислать всё необходимое. При этом перечисление средств для изготовления боеприпасов дается в ряду других необходимых адресанту вещей, например, продуктов питания:

ʷil bolʷun ögüdeq dari xorʷolʷi mönggün araki ide:n сауа:n šoroi kükür tömör xabur ögüye geqči zoun šedbür ide:teyige:n küce:ʷi ötör ögüqtün.. / Жил болһн өгдг дәр, хорһлӳн, мөңгн, әрк, идән, цаһан шора, күкр, хавр өгйә гигч зун шедвр идәтәһән күцәж өтр өгтн [НА РК. Ф 36. Оп. 1. Д. 2. Л. 131об.].

Ср. в русском переводе: *Даетца мне по вся годы великого Государя денежное жалование порох и свинец и селитра и сера и железа и вина да хотели весною прислать ко мне сто четвертей муки и то прикажи прислать немедленно* [НА РК. Ф 36. Оп. 1. Д. 2. Л. 132].

Важным для адресанта оказывается не только количество, но и качество присланных средств для изготовления боеприпасов. В нашем материале имеется сообщение о возврате части полученного железа с объяснением причины возврата и просьбой прислать железо хорошего качества:

a: yu xe (ši) xa:n ende bida bügüde:r mendü.. ayidarxani bayar tende bügüde:r mendü beyize.. tani ilgeqsen elçi youmai tani burin acaraji öqbö.. ʷüčün bud dari ʷüčün bud xorʷolʷin.. tabun bud tömör nige bud сауа:n šoroi.. nige bud xorš.. zarim bud kükür nige köküür araki nige köküür em araki zarim bud tamaki.. tabun bud tömüriyin xoyoriyini aba bida.. ʷurbayini xariulʷi öqbö bida cakir ge:d töüni tölö: sayin tömör ögüqtün / Аюка хан энд бидн бүгдәр мөнд. Эддрхнә баяр тенд бүгдәр мөнд вииз. Тана илгәсн элч юмитн бүрн асрәж өгв. Һучн буд дәр, һучн буд хорһлӳн, тавн буд төмр, нег буд цаһан шора, нег буд хорш, зәрм буд күкр, нег көкүр әрк, нег көкүр эм әрк, зәрм буд тәмк, тавн буд төмрин хойринь аввидн, һурвинь хәрүлж

өгввидн цэкр гинэд. Түүнэ төлэ сэн төмр өгтн [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2. Л. 201об.].

В русском переводе сохранены все лексемы, обозначающие средства для изготовления боеприпасов:

<...> У посланного великого дворенина что с ним послано принето у него все в целости а именно тридцет пуд пороху, свинцу то ж число, пять пуд железа, и того железа принето у него два пуда, а три пуда послано назад. Прикажи прислать вместо того доброго железа. Еще принето у него пуд селитры, пуд укладу, полпуда серы горючей, боченок вина простого, да боченок же вина двойного, полпуда табаку <...> [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2. Л. 221].

Вместе с тем в переводе отсутствует имеющееся в оригинале объяснение причины возврата части полученного железа. Ср. дословный перевод:

Аюка хан здесь со всеми здоров. Астраханский боярин там со всеми, надеюсь, здоров. Присланный Вами посольный вручил все ваше в целости.

Тридцать пудов пороха, тридцать пудов свинца, пять пудов железа, один пуд селитры, один пуд хорш, полпуда серы, одну бутль вина, одну бутль лекарственного вина, полпуда табака. Из пяти пудов железа мы взяли два пуда, три из них отправили назад, потому что он был светлый. Вместо него пришлите хорошее железо (перевод Д. Б. Гедеевой).

В этом же источнике автором письма в перечислительном ряду используется лексема *хогᠥ* /хорш: *<...> nige bud hogᠥ* / нег буд хорш [И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 201 (об.)]. Указанная лексема обращает на себя внимание тем, что может пополнить пласт устаревшей военной лексики калмыцкого языка. В лексикографических источниках [БАРМС 2001–2002; Голстунский 1893–1895; Ramstedt 1935; Тодаева 2001] данной лексемы не обнаружено. В переводе Д. Б. Гедеевой (см. выше) слово остается безэквивалентным. Однако в переводе XVIII в. калмыцкому *хогᠥ* /хорш соответствует русское уклад: *Еще принето у него пуд селитры, пуд укладу <...>* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2. Л. 221].

Русский эквивалент лексемы *хогᠥ* /хорш — уклад — для современного русского языка также является устаревшим, однако в XVIII в. слово *уклад* активно употреблялось.

Дефиниции существительного уклад в словарях даются с различными пометами. В словаре В. И. Даля уклад как обозначение действия по глаголу *укладывать* многозначное, имеет одно из значений ‘сталь, которою укладывают или наваривают леза столярных и других орудий. Топор с укладом, науклаженный’ [Даль 1978: 494]. В «Современном толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой многозначное существительное *уклад* в 3-м значении имеет помету устар. и толкуется как ‘высококачественная сталь особой закалки, идущая на изготовление лезвий клинков, сабель, кинжалов и т.п.’ [Ефремова 2006]. В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова существительное *уклад* во втором значении имеет дефиницию ‘сталь для лезвий’ и сопровождается пометой спец. [Ушаков 2000].

Употребление лексемы уклад в начале XVIII в. было связано с распространенным в то время способом производства стали. Уклад шел на изготовление холодного оружия, шлемов, сельскохозяйственных орудий труда. В конце XVIII в. — 2-й половине XIX в. уклад теряет значение, поскольку появляются другие способы получения стали.

Выводы

Рассмотренные в статье элементы тематической группы военной лексики, зафиксированные в деловых письмах хана Аюки за определенный временной отрезок, дают более четкое представление об истории развития лексической системы калмыцкого языка и этнолингвистической специфике делового текста — оригинального и переводного. Анализ употребления в деловых письмах наименований общих понятий, представителей определенного рода войск, средств для изготовления боеприпасов обнаруживает специфику и закономерности функционирования одной из лексических подсистем калмыцкого языка, подтверждает возможность пополнения существующих ныне словарей устаревшими словами и создания отдельного словаря языка калмыцких деловых писем XVIII в.

Источники

БАРМС 2001–2002 — Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х томах / ред. А. Лувсандэндэв, Ц. Цэдэндамба, Г. Ц. Пюр-

- беев. М.: Academia, 2001–2002. Т. I. – 502 с.; Т. II. – 536 с.; Т. III. – 440 с.; Т. IV. – 532 с.
- Голстунский 1893–1895 — *Голстунский К. Ф.* Монгольско-русский словарь. В 3-х т.: Т. I. СПб., 1895, 268 с.; Т. II. СПб., 1894, 462 с.; Т. III. СПб., 1893. 491 с.
- Даль 1978 — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Т. 1–4. Т. 4. М.: Русский язык, 1978. 704 с.
- Ефремова 2006 — *Ефремова Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка. В 3 томах. Том 3. Р-Я. СПб.: АСТ; Астрель; Харвест; Lingua, 2006. 976 с.
- НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2.
- Ramstedt 1935 — *Ramstedt G. J.* Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 592 s.
- Словарь 1980 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М.: Наука, 1980. 404 с.
- Тодаева 2001 — *Тодаева Б. Х.* Словарь языка ойратов Синьцзяна (По версиям песен «Джангар» и полевым записям автора / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 494 с.
- Ушаков 2000 — Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 4 / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Астрель; АСТ, 2000. 1499 с.
- Фасмер 1986 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. 672 с.

Sources

- [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. In 4 vols. Vol. 4. D. N. Ushakov (ed.). Moscow: Astrel; AST, 2000. 1499 p. (In Russ.)
- [Russian Language of the 11th-17th Centuries: Dictionary]. Vol. 7. Moscow: Nauka, 1980. 404 p. (In Russ.)
- [Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary]. In 4 vols. A. Luvsandendev, Ts. Tsendendamba, G. Ts. Pyurbееv (eds.). Moscow: Academia, 2001–2002. Vol. I, 502 p.; vol. II, 536 p.; vol. III, 440 p.; vol. IV, 532 p. (In Mong. and Russ.)
- D^{al} V. I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 vols. Vol. 4. Moscow: Russkiy Yazyk, 1978. 704 p. (In Russ.)
- Efremova T. F. [Contemporary Explanatory Dictionary of the Russian Language]. In 3 vols. Vol. 3: ‘P – Я’. St. Petersburg: AST; Astrel; Kharvest; Lingua, 2006. 976 p. (In Russ.)
- Fasmer M. [Etymological Dictionary of the Russian Language]. In 4 vols. Vol. 2. O. N. Trubachev (transl., suppl.). 2nd ed.. Moscow: Progress, 1986. 672 p. (In Russ.)

- Golstunsky K. F. [Mongolian-Russian Dictionary]. In 3 vols. St. Petersburg, 1893 – 1895. Vol. I, 268 p.; vol. II, 462 p.; vol. III, 491 p. (In Mong. and Russ.)
- National Archive of the Republic of Kalmykia. Fond 36. Ser. 1. File 2.
- Ramstedt G. J. [Kalmyk Dictionary]. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1935. 592 p. (In Kalm.)
- Todaeva B. Kh. [Language of Xinjiang Oirats: Dictionary (Compiled from Jangar Epic Texts and Author's Field Data)]. G. Ts. Pyurbeev (ed.). Elista: Kalmyk Book Publ., 2001. 494 p. (In Oir. and Russ.)

Литература

- Бачаева 2004 — *Бачаева С. Е.* Военная лексика в эпосе «Джангар» // «Джангар» в евразийском пространстве: мат-лы междунар. научн. конф. Элиста, 2004. С. 20–22.
- Бачаева 2010 — *Бачаева С. Е.* Военная лексика в калмыцком языке (на материале романа М. Хонинова «Помнишь, земля Смоленская») // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 1. С. 81–83.
- Бачаева 2012 — *Бачаева С. Е.* Общественно-политическая лексика современного калмыцкого языка: Монография / отв. ред. Э. У. Омакаева. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2012. 253 с.
- Бембеев 2018 — *Бембеев Е. В.* Об употреблении и значении лексических единиц, обозначающих «плен, заложник» (на материале эпоса «Джангар») // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. 2018. № 5. С. 61–69.
- Гедеева, Пюрбеев 2014 — *Гедеева Д. Б., Пюрбеев Г. Ц.* Военная лексика в языке калмыцких деловых документов XVII–XIX вв // Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики: мат-лы междунар. науч. конф., посвященной 75-летию со дня рождения и 55-летию научно-педагогической деятельности профессора В. И. Рассадина. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2014. С. 230–231.
- Мулаева 2010 — *Мулаева Н. М.* Военная лексика (на материале «Калмыцко-русского словаря» 1977 г.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 1. С. 77–80.
- Очирова 2010 — *Очирова Н. Ч.* Русские лексические заимствования в военной терминологии калмыцкого языка // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 1. С. 83–86.
- Лиджиев 2011 — *Лиджиев А. Б.* Материалы к изучению устаревшей военной лексики калмыцкого языка // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 113–116.

- Лосева-Бахтиярова 2005 — *Лосева-Бахтиярова Т. В.* Военная лексика тюркских языков (названия вооружения): дис. ... канд. фил. наук. М., 2005. 283 с.
- Пюрбеев 2009 — *Пюрбеев Г. Ц.* Военная терминология в монголо-ойратских законах «Их цааз» и «Халаха Джирум» // Мат-лы междунар. науч. конф. «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее». Элиста, 2009. Ч. II. С. 283–285.
- Сафаров 2012 — *Сафаров Р. Т.* Военная лексика татарского языка: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Казань, 2012. 30 с.

References

- Bachaeva S. E. [Socio-Political Vocabulary of Modern Kalmyk]. Monograph. E. U. Omakaeva (ed.). Elista: Dzhangar, 2012. 253 p. (In Russ.)
- Bachaeva S. E. Kalmyk military vocabulary: a case study of M. Khoninov's novel 'You Remember, Dear Land of Smolensk'. Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS. 2010. No. 1. Pp. 81–83. (In Russ.)
- Bachaeva S. E. The Epic of Jangar: military vocabulary. In: [The Jangar in Eurasian Space]. Conf. proc. Elista, 2004. Pp. 20–22. (In Russ.)
- Bembееv E. V. Revisiting the use and meanings of lexical units denoting 'captivity / hostage': a case study of the Jangar Epic. [Turko-Mongols: Issues of Ethnic History and Culture]. Coll. papers. Vol. 5. Elista, 2018. Pp. 61–69. (In Russ.)
- Gedeeva D. B., Pyurbееv G. Ts. Military vocabulary in the language of 17th-19th-century official Kalmyk documents. In: [Topical Issues of Contemporary Mongolian and Altaic Studies]. Conf. proc. Elista: Kalmyk State University, 2014. Pp. 230–231. (In Russ.)
- Lidzhiiev A. B. Obsolete Kalmyk military vocabulary: research materials. Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS. 2011. No. 1. Pp. 113–116. (In Russ.)
- Loseva-Bakhtiyarova T. V. [Military Vocabulary of Turkic Languages: Names of Weapons]. Cand. Sc. (philology) thesis. Moscow, 2005. 283 p. (In Russ.)
- Mulaeva N. M. Military vocabulary: a case study of the 1977 Kalmyk-Russian Dictionary. Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS. 2010. No. 1. Pp. 77–80. (In Russ.)
- Ochirova N. Ch. Kalmyk military terminology: Russian lexical borrowings. Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS. 2010. No. 1. Pp. 83–86. (In Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. The Oirat Mongolian 'Ikh Tsaaz' and 'Khalkha Jirum': a case study of military vocabulary. In: [United Kalmykia in United Rus-

sia: through Centuries into the Future]. Conf. proc. Elista, 2009. Part II. Pp. 283–285. (In Russ.)

Safarov R. T. [Tatar Military Vocabulary]. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Kazan, 2012. 30 p. (In Russ.)